

Экстренное торможение

Александра Давыдова

Родилась в Ростове-на-Дону, в 2010 году переехала жить в Екатеринбург. Филолог по образованию (специальность — теория литературы). Любимая сфера рабочих интересов — проведение тренингов и интерактивов, разработка игр. Фантастику пишет с 2008 года. В январе 2012 года вышли первый роман в соавторстве с Виктором Колюжником под псевдонимом Алексей Верт («Дзен-софт», киберпанк, изд-во «Астрель») и сольная книга «Вечер у Вайетов» (изд-во «Шико», Луганск). Помимо «Уральского следопыта», печаталась в журналах «Если», «Реальность фантастики», «Азимут». Любимые жанры — мистика, социальная фантастика и киберпанк.

Антон стукнулся лбом о зеркало, прикусил язык и шепеляво выругался. Мыло и зубная паста соскользнули с полочки и — шмяк-шмяк — улеглись на пол, как нарочно — в середину грязной лужи. Из-за двери послышались возмущённые крики. Судя по накалу эмоций, кому-то приходилось тоже несладко. Хотя, казалось, что может быть отвратительнее, чем набить шишку и уронить... Тут Антон ещё раз выругался и стукнул кулаком по тускло блестящему крану в известковых пятнах. Зубная щётка, как оказалось, тоже упала на самый чистый в мире пол. Антон вздохнул и стал шарить по карманам, пытаясь найти салфетку или кусок бумаги, чтобы подобрать безвозвратно погибшее добро и выбросить его.

— Водку теплую, — бормотал он, пытаясь подбодрить себя. — Из мыльницы. В туалете поезда. Бу...

Вагон тряхнуло еще, на этот раз сильнее. Под полом заскрежетали тормоза, поезд громко застонал и через десяток секунд остановился.

Антон отлепил щеку от зеркала и, решив, что аттракцион «кульбиты в санузле» уже принёс ему все положенные впечатления, крутанул задвижку и распахнул дверь наружу.

«Ух ты. Не зря вопила», — подумал он. От резкого торможения переполненный мусорный ящик напротив туалета не выдержал и сделал вклад в окружающий хаос. Обглоданные куриные кости, колбасные шкурки, скомканные целлофановые пакеты и яичная скорлупа высыпались наружу и ещё немножко — на гламурную барышню в нежно-розовом спортивном костюме — шорты и футболка с глубоким вырезом — с махровым полотенцем через плечо. Матерясь, как помесь сапожника с портовым грузчиком, она вытряхивала из волос огрызок яблока и сулила машинисту все кары небесные.

Антон боком проскользнул в тамбур и закурил. Пальцы дрожали, под ложечкой сосало, болела шишка на лбу, и, пожалуй, ему тоже очень хотелось призвать машиниста к ответу. Ну, или любого, кто виноват в этой остановке.

Сигарета быстро закончилась. Он собирался было сразу вернуться в купе, но прислушался и понял, что девица до их пор яростно воюет с мусором. Не желая стать объектом для вымещения злобы, Антон решил переждать «бурю» и прислонился лбом к ледяному серо-инеистому стеклу. «Лечение и эстетика, два в одном, — подумал он. — Хотя... второе подкачало». За окном имелись: лесополоса на горизонте, заснеженное не то поле, не то болото и куст унылый рядом с рельсами, одна штука.

«Как в американских фильмах, — лениво размышлял Антон, чувствуя, как постепенно утихает боль. — Когда по шоссе едет машина с открытым верхом, а вокруг только оранжевая пустыня и кактусы, а до ближайшего городка — день пути. И здесь то же самое, только russian edition. Вместо машины — поезд, вместо потрескавшейся от солнца земли — снег. То же одиночество, только вид сбоку. Интересно, сколько здесь до человеческого жилья?..»

— ...И что, не поймали идиота?

— Прикинь, нет, — дверь между вагонами распахнулась. Наряд милиции шёл как раз от головы поезда.

Антон посторонился и шагнул в свой вагон следом за парнями, наострив уши. За дверью обнаружился раздраженный проводник с веником, а из туалета неслись визгливые причитания и такой громкий плеск воды, будто купали здорового бегемота. Или маленького слона.

— Чего там? — по голосу проводника было ясно, что он тоже не прочь найти виноватого.

— Шутник грёбанный, в последнюю секунду с рельсов сиганул. А то стоит, блин, чёрный плащ в шляпе. Ему гудят, и хоть бы хны.

— Жаль, из Сибири в Москву не «Сапсан» ходит. Размазали бы дебила по рельсам, не успев остановиться, хрен бы он ещё на шпалы вылез.

Железная логика, с которой Антон сразу же в душе согласился. Во-первых, скорость пассажирскому составу «Нижевартовск-Москва» явно не помешала бы, особенно когда он начал останавливаться у каждого столба по полчаса. А во-вторых, если кому-то хватило мозгов довести до экстренного торможения поезд, такой человек срочно заслуживал премии Дарвина, и желательно посмертно.

Парень медленно дошёл до своего купе, потянул дверь за ручку... и неприятно удивился.

Сосед, занимавший верхнюю полку напротив, ещё с вечера переместился в вагон-ресторан к друзьям с пятилитровой канистрой коньяка. То есть ждать его обратно раньше Казани не стоило. Нижние полки со вчерашнего дня пустовали, народу в поезде было вообще немного — и Антон уже свыкся с мыслью о том, что так и будет ехать один, а в случае победы коньяка над человеком — и до самой столицы. Оказалось, нет.

— Здравствуйте. Нас Зоя, проводница из соседнего вагона, пристроила. Сказала, у вас свободно, — за столиком сидел узкоглазый чернявый мальчик. Настороженный взгляд, пальцы теребят угол газеты, полосатая водолазка топорщится на узких плечах. Напротив него с ногами на полку забралась серая девушка. Фактически в буквальном смысле серым у неё было всё: феньки на узких запястьях, обгрызанные ногти, дымчатые очки, длинный шарф с пыльной растрёпанной бахромой, джинсы с большими квадратными карманами, волосы... Рядом валялся яркий красно-золотистый пуховик.

— Не волнуйтесь, нам не до конца ехать, — девушка будто читала мысли Антона и отвечала на незаданный вопрос. — Если повезёт, то вообще через четыре часа слезем.

— А если не повезёт?

— В каком-нибудь Челябинске...

— Проводники дурацкие пошли, сами не знают, на какие места у них билеты проданы и сколько денег им надо, — мальчик заговорил опять, и Антон понял, что тот гораздо старше, чем кажется на первый взгляд. Твердый, спокойный, чуть хриплый голос не мог принадлежать подростку.

Между тем он продолжал:

— Я Влад. А это моя старшая сестра...

— Мира, — серая девушка кивнула.

— Антон. Только сразу предупрежу: «Старый мельник» на троих не распиваю, в карты не игрок, к чужой жареной курице отношусь с подозрением, а заслуженные бутерброды-ветераны обхожу стороной.

— Тогда мы тоже не очень правильные пассажиры, — Влад улыбнулся. — Обряд кормления соседа мятыми варёными яйцами и куриной ногой знаем плохо, а с двенадцатым ударом часов не начинаем разговоры о смысле жизни.

— Отлично, — Антон стянул с полки сумку, перекинул через плечо. — Тогда обустройвайтесь пока, а я — в вагон-ресторан. Проверю, не водятся ли там в дополнение к завтраку — или по дороге — зубные щётки.

И, только миновав три вагона, он вдруг понял.

«А когда они сели? Последняя остановка была три часа назад. Если не считать... Черт!»

Когда он вернулся, девушка спала. Она даже не стала расстилать матрас — свернулась на полке калачиком и тихонько сопела, сунув палец в рот. Длинные волосы лежали «солнышком» вокруг её головы, как лучи. Странно. Теперь они уже не казались серыми — переливались разными цветами, как перламутр. Вагонное радио орало во весь голос про белые розы, но, казалось, девушку это волновало не больше, чем какая-нибудь колыбельная.

— Мира может и под звук канонады спать.

— А мне казалось, я ещё не задал этот вопрос.

— Он был бы логичным.

— Не спорю.

Антон сел на полку рядом с Владом, уставился в окно. Пейзаж продолжал баловать — белая пустыня с грязно-белыми пятнами. Ни домика, ни доро-

ги. Поиграл от нечего делать в тетрис на телефоне. Перечитал последние десять сообщений. Пожалел о том, что не взял с собой нетбук. Радионные страдания по поводу белых роз сменились доверием к слепой ночи. Антон вздохнул.

— Разговоры о смысле жизни? — Влад улыбнулся и сложил руки на груди.

— Что?

— Я обещал их не затевать с полуночью. Но если скучно, то можно вполне поболтать сейчас. Миру не разбудим, всё нормально.

— Вай нот, — нет, все-таки у сегодняшних попутчиков явно было припрятано по карте угадывания мыслей в каждом рукаве.

— Она очень любит людей, — вроде невежливо разговаривать за спиной у отсутствующих и спящих, но Влад уверил, что Мира и на это не обидится. — Разговаривать. Понимать. Собирать новые точки зрения, споры, глупости и умные мысли. Кто-то коллекционирует подушечки из Икеи, а Мира — встречи. Запоминает мельчайшие детали, выражение лица, странности... Зуб даю, что про тебя она поставит галочку — «искал щётку в вагоне-ресторане».

— Гораздо смешнее потеря её предшественницы. Трагедия в трёх лицах: я, она и стихийное бедствие.

— Какое?

— А что, вас не тряхнуло, когда состав тормозил? — Антон покосился на Влада. Тот крутил на пальце брелок с серебристой рыбкой. Чешуя её была покрыта сине-голубой эмалью. С того места, где сидел Антон, складывался любопытный оптический эффект — казалось, что рыбка бьётся, как живая, а вокруг ладони «фокусника» колышется вода.

— Ещё как. Мира выбила плечо, а я вывихнул запястье.

— Сочувствую.

— Ерунда. А ты знаешь, почему поезд остановился?

— Ну, я, грешным делом, сначала думал, что кто-то бросил лом в унитаз, чтобы проверить эту легенду. Потом узнал, что это какой-то недосуицидник был. На рельсах стоял. Потом смылся в последний момент.

— Очень жалко щетку? И шишка на лбу болит? — Мира открыла один глаз и внимательно посмотрела на Антона.

— Ну-у-у...

— Это классная деталь для коллекции. Мне нравится. Поэтому в обмен могу рассказать, почему поезд на самом деле встал.

Влад закатил глаза и покрутил пальцем у виска.

— Что? Ну, что? — Мира зашипела, как дворговая кошка, и бросила в парня огрызком яблока.

— Ты уверена, что это стоит делать?

— Да! — провозгласил Антон и, присоединившись к общему безумию, кинул ботинком в радиовентиль. Тот крякнул: «Мечты сбыва...» и заглох.

— Представь. Ты сидишь на работе днями и ночами, — Мира говорила, прикрыв глаза, «сказочным» голосом — напевно и завораживающе, как рассказывают истории перед сном. Это несколько не вязалось с темой повествования, но слушалось отлично. — Не сказать, что работа скучная. Наоборот, разнообразная, сложная, интересная. Ты излучаешь энтузиазм и энергию, ты щёлкаешь проекты, как семечки, и — главное — полностью уверен, что находишься именно на своём месте. Вот только в один прекрасный момент ты осознаёшь, что попа не то чтобы приросла к стулу, но стала уже явно чуть более плоской, чем раньше. У тебя не бывает выходных, праздников, отпусков. Даже свой день

рождения ты вынужден справлять в четырех стенах...

— По-моему, ты сгущаешь краски, — Влад недочерчиво улыбнулся.

— По-моему, если кто-то привык работать с открытым видом на море, ему не стоит навязывать этот стереотип окружающим.

— Понял. Молчу. В конце концов, ты у нас рассказчик.

— То-то. И вот, рано или поздно ты решаешь — довольно. Как ответственный человек, ты приводишь все бумаги в порядок, пишешь с десятков программ для автоматизации рабочих процессов, покупаешь трогательного круглого робота-уборщика, чтобы мебели было не скучно в твоё отсутствие... Потом ты уговариваешь себя ещё несколько дней — «ничего не случится, я только погуляю и вернусь обратно, небо не рухнет на землю, апокалипсис не наступит».

— А вот насчет апокалипсиса я бы... — Влад не успел договорить, Мира воинственно перебила:

— Фиг! У меня нет в собственности ни гигантского креста с Христом, ни Эйфелевой башни, ни статуи Свободы. Поэтому я не смогу плакать, попадая в формат фильмов-катастроф. Если будешь и дальше перебивать...

— Молчу. Нем, как рыба.

— Ты встаешь из-за стола и на цыпочках крадешься к двери. Выглядываешь в коридор. Пусто. Идешь к лифту. Как нарочно, наступаешь на самое скрипучее место этажа. Сам пугаешься, сам подпрыгиваешь. Плюнув на конспирацию, забегаешь в лифт и жмешь кнопку первого этажа. Свобод-а-а-а! Ты, раскинув руки, выбегаешь из здания, готовишься уже запрыгнуть на плечи ветру...

— Почему это люди не летают, как птицы?..

— Заткнись уже, а?.. Мешаешь. Так вот. Ты уже готовишься полететь, хотя некоторые уверены, что ты это не умеешь делать, и вдруг слышишь за спиной громовое «кхе-кхе». Ты оборачиваешься. А там — кто бы ожидал, да? — стоит босс. Пропитанный укоризной, как пончик — абрикосовым сиропом. И говорит: «Иди-ка ты, ситный друг, назад. Нагулялся». Согласись, разочарование?

— Д-да... — Антон кивнул. На разговоры о жизни уж точно не было похоже. А на театр абсурда — вполне. Эдакий слегка кафкианский.

— Короче, это всё предыстория. Чтoб нагнать напряжения, — Мира растопырила пальцы: между большим и указательным пробежала молния. Настоящая. Хотя и крохотная. В купе запахло озоном. — В общем, я оглянулась на босса, посмотрела вперед, на ветер свободы, и решила, что некоторое время меня вполне может заменить круглый робот-пылесос.

— Некоторое, прошу заметить. Не-ко-то-ро-е. Скромно замечено. Почти сто лет нам не срок...

— Слушай, если ты держался долго, это не значит, что у других такие же сильные нервы.

— Я из-за правого руля сломался, — Влад криво усмехнулся и, прищурив глаза, стал вылитым японцем. — Когда на работе его запретили, я молча встал и вышел.

— Уважаю, — разговор возвращался в понятное русло, что не могло не радовать.

— Только одна беда — босс всё никак не успокоится. Нанял убийцу...

— Инспектора!

От последнего возгласа в исполнении Влада Антону захотелось срочно спрятаться куда-нибудь. Нет. Градус неадекватности всё же никак не желал понижаться.

— А я говорю — убийцу. И вопрос вовсе не в терминологии. Теперь он гоняется за нами и мечтает вернуть обратно.

— Почему тогда убийца?

— Он считает, что лучший способ успокоить работника — это успокоить его навечно. Как бы объяснить. Чтобы понятнее. Антон, ты видел Припяты?

— Только слышал...

— Достаточно. Достаточно, чтобы понимать — это не лучший способ привязать нас к месту. Поэтому мы боимся. Скрываемся среди людей — они дают тепло, чтобы спрятаться. Детали. Истории. Сказки. Радость. Грусть. Что угодно, лишь бы не пустота. Поэтому он старается загнать нас в такие безлюдные места, где холод делает нас видимыми, как на ладони. Какое счастье, что даже в бескрайних сибирских просторах ходят поезда...

— Уже уральских, не сибирских, — дверь купе отъехала в сторону. Давешняя барышня в розовом заглянула вовнутрь. — Три часа до бывшей работы мальчика Е. У него отличный офис. Даже есть гигантский храм на холме на случай апокалипсиса. И недостроенная телебашня. Спорим, к ней привязаны сотни историй, падений и подвигов?

— Знакомься. Это Рая. Полжизни работала на пляже, поэтому абсолютно не знает, как прилично одеваться на людях, которые не горячие южные парни.

Антон молча протянул ладонь для приветствия. Ему хотелось противоречивых вещей — то ли заснуть, то ли наконец проснуться. Ни то, ни другое не происходило — видимо, из-за неопределённости в желаниях.

— Скажи, ты в столице на какой ветке метро жить будешь? — спросила Мира. — Хотя глупо спрашивать. Если я чувствую, что ты едешь ко мне жить,

то должна, по идее, знать, что квартира будет... хм... в Новых Черемушках. Поэтому возьми калужско-рижскую. На счастье.

Она щелкнула неизвестно откуда взявшимися ножницами и положила Антону на колени прядь своих волос. Ярко-оранжевого цвета, с неровными узелками. Улыбнулась, помахала на прощание и вслед за своими друзьями выпрыгнула в окно. В окно??!

* * *

— Мужчина, вы с ума сошли, в минус тридцать окно распахивать? — проводник укоризненно заглядывал в дверь. — Сквозняк по всему вагону. Пассажиры с маленькими детьми жалуются.

— Я сейчас всё закрою, — Антон потянул раму вверх. Обернулся, подумал секунду и медленно спросил:

— Скажите, а как зовут проводницу соседнего вагона?

— Елена. Или Тамара... А что?

— Ничего, — Антон неловко улыбнулся и полез к себе на полку. Свернул гнездо из одеяла, как в детстве, и сунул под подушку кулак с оранжевой линейкой метро.

*Они бродят по Земле и ищут глупые истории, нелепые совпадения и неловкости. Одним словом — тепла. Недополученного у своих детей. Потому что в какой-то миг сердцам городов захотелось свободы. В чем-то они виноваты. Может, они и хотят вернуться. Наверняка хотят. Но в ясные ночи, когда небо очищается от облаков, они задирают головы вверх — и смотрят, смотрят, смотрят... На мёртвую красную планету, к бродячим городам которой однажды вызвали инспектора, который остановил их всех. Привязал к своим стенам и убил. Экстренно. **УС***